

Восходящие звезды

Слово на открытии театрального сезона

СЧИТАЮ, что о популярном театре газеты должны писать часто. По любому поводу и без повода. Когда долго не сообщается о сенсациях в московском «Ленкоме» или совершенно не освещается личная жизнь А. Абдулова, я начинаю нервничать. Обуреваемый тщеславием и populistскими страстями, начинаю ходить по журналистам, заискивая. «Напишите, — прошу, — о нас что-нибудь эдакое, такое, все равно какое, но чтобы вздрогнуть — неужели правда?»

Уважающие себя театральные журналисты ускользают, как угри. Болтается. Берегут имя. Вот тогда и приходится довольствоваться «осетриной второй свежести». И здесь есть чем похвалиться: «Московская правда», 21 августа. О Кестере. «Певцов по прозвищу Фигаро?». Начальный фрагмент:

«Ленком» пока еще остается самым посещаемым театром в Москве. Но в глубине его рождается трещина (1). Прошлый сезон ознаменовался двумя трагическими событиями: смертью Т. И. Пельцера и пожаром в мужской костюмерной. За целый год театр выпустил лишь реанимированных «Бременских музыкантов», которыми теперь затыкаются все бреша в репертуаре, да «Сорри» с И. Чуриковым!».

Дальше — традиционный унор по поводу голого В. Ракова в спектакле «Мудрец». Стоит себе скромно, спиной, всего несколько мгновений в глубине сцены — а ведь как волнуется! И уже четвертый сезон!».

Конечно, писать об этом всерьез после «Звезд на утреннем небе» А. Галина и Л. Додина, после «Империум чувств» Н. Осимы и целой плеяды спектаклей, где зрительская смелость плотно сопряжена с режиссерским талантом, смешно и отчасти убого. Но я на стороне О. Кестера. Автор не побоялся повторить то, что до него жевали другие и успокоились только после успеха «Мудреца» на Эдинбургском фестивале. О. Кестер не успокоился и снова рассказал людям о своем волнении. Многие театроведы только и думают, как бы не повториться, не написать то, о чем писали другие, не сбиться на банальные истины — трюсы!».

У Корпия до революции каждую пятницу игралась премьера. А у нас уже 19 лет — два спектакля в сезон! Сколько ставят ведущие режиссеры мира, а О. Кестеру объяснить не буду, ему не пригодится. Могут только — о лывке, которую укорили, что она рождает всего одного детеныша. Лывка отвечает: «Да. Но зато я рожаю льва». Не всегда у нас, правда, рождаются львы, иногда можем принести и барсук, по гордым сочинениям, которые пользуются многолетним спросом. «Тиль» Г. Горина собирает аншлаги 18 лет. А «Принцесса Туранида»

до сих пор в Вахтанговском театре — семь десятилетий. В наше время ставить спектакли — как блины печь: накладно и нерасчетливо.

А насчет трещины хотя и топорно, но актуально. В каком нынешнем российском заведении или здании обходится дело без трещин? Если хорошенько поискать, их можно обнаружить не только на лицах, но и в мозгах многих префектов, писателей, режиссеров и даже членов правительства. От последних постоянно слышится треск. У приличного человека в наше время — а душе, как у Гамлета. Распадается связь времен, и каждый раз с треском.

Мне импонирует также осведомленность автора о загорании в мужской костюмерной. Хотя об этом было весной пропечатано в нескольких газетах, но рассказать снова о пожаре всегда интересно. Может быть, кто-то не читал. Иное дело, что, описывая неприятности в костюмерной, неловко ставить их в один ряд со смертью выдающейся русской актрисы. Но тут придется проявить к автору снисхождение. Мы диалектику учили не по Гегелю! А этику вообще не проходили.

Абсолютно согласен с критикой наших репутарных планов. О. Кестер прав, пьесы Бомарше и Чехова уже ставились. Еще до нас. «В памяти зрителей со стажем живет знаменитый «Фигаро» в Сатире», — пишет О. Кестер, удивляясь нашим репетициям. Полезная информация для тех, кто снова берется за классику, размышляет о Шекспире, Мольере, Достоевском или Чехове. Чем кончатся известные пьесы, оказавшиеся, некоторые зрители знают заранее. О. Кестер первый, кто подметил это с тревогой.

Отдельные ошибки я в расчет не беру. «Бременские музыканты» не реанимированы, а поставлены заново, но ими не могут затыкаться бреша в репертуаре, потому что это детский спектакль, играть его можно только днем или утром. Не беда, что О. Кестер об этом не знает. У каждого из нас есть пробелы в образовании. Мы дети одного времени и образованы так же плохо, как воспитаны. В спектакле Г. Паифилова то явесь А. Галина («Сорри» играют всего два артиста. Если упомянуть И. Чурикова, вычеркивать из заметки Н. Караченкова нестыжко.

Да Бог с ней, с этикой! По меркам «Московской правды», у О. Кестера ее хватает, так же как эрудиции и литературного своеобразия. Посему, доверясь газете и прогнозируя бурный рост ее тиража в следующем году, зачисляю О. Кестера в восходящие

звезды. Возможно, не по заслугам, а от одного только удивления, мучаясь крайностями экзистенциализма.

ТЕПЕРЬ без крайностей о тех, кто уже вышел на нашем театральном небосклоне вне личных симпатий и субъективных домыслов. И не все мне связываться с непрофессиональными рецензентами, засоряя читательскую память! Гораздо полезнее заинтересовать читающих театралов новыми звездами профессиональной российской режиссуры.

О режиссерах размышлять больно. Штучный и редкий товар. Режиссерам сейчас так же трудно, как и всему нашему народу, воспитанному на первой части пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» без ее финала. Ведь огромное воздействие на нашу психику оказали, увы, не библейские заповеди, а горячо полюбавшееся обществу сказание про Емелю и его исполнительскую власть — чудодейственную шую, которая безотказно действовала «по щучьему велению».

Теперь, когда феодально-административные мечтания тают, как сосульки в апреле, у режиссера, как у всех мастеровых людей, успех стала определять одна работа. И не всякая, а та, что учитывает изменившуюся жизнь, новые потребности, вкусы, ожидания, надевшие слова, телесно-визуальные бури и информационные трюмфы. Но и это не главное. Одним светлым разумом режиссеру не обойтись. Нижнее подсознательный биорадар — эфемерная и загадочная интуиция, ведомая рукою Провидения.

Таких режиссеров всегда было мало. Раньше их выбивали с дистанции либо уродовали им мозги подкачками в ядовито-сахарном партийном соусе.

Но вот явилось новое племя. Молодое, незаносное. Здраваться с ним боюсь — может не ответить. Хочу только обрадоваться.

Сергей Женовач, молодой и скромный педагог по режиссуре, ходил еще недавно по Российской Академии театрального искусства бочком-бочком, весь из себя малозаметный, потом скромно посчитал: 4, 3, 2, 1. Старт! Разумеется, не без помощи своего мотра Петра Фоменко. Получил статусную площадку вместе с актерской группой режиссерского факультета. Поступил спектакль «Владимир третий ступени» по неподписанной пьесе Гоголя. Очень складный — в своей первой части и очень талантливый — во второй. Тотчас закрепил успех «Королем Лиром» Шекспира в Театре на Малой Бронной. Диагноз наших театроведов: «Лучший спектакль сезона». Что может быть вреднее театроведов? Но иногда и они мудры, как змеи.

Сейчас у С. Женовача — новый дерзкий проект. Немного тревожно, как сложится у него взаимоотношения с маститыми театральными акулами

в недрах загадочного заведения на Малой Бронной? Конечно, если и дальше будет ставить только талантливые спектакли — акулы притворятся ласковыми карасями. Но истинный режиссерский талант должен рисковать и ошибаться. Иначе ему неинтересно жить.

Сергей Васильевич! Постарайтесь, чтобы ваша жизнь была интересной, но постарайтесь, чтобы она была. Малая Бронная — не самая безопасная улица.

Еще одна звезда — Сергей Арцыбашев. Не дебютант. Имеет свой молодежный театр «На Покровке», а нынешней весной в мастерской профессора А. Гончарова показал почти законченный студенческий спектакль по пьесе Н. Коляды «Сказка о мертвой царевне».

Многие зрители испытали шок. Я — покуда. Отдельные мои коллеги — депрессии, в том числе маньякальную. По ощущениям первых минут — знакомая «чернуха», но потом С. Арцыбашев и Н. Коляда на глазах назумленного зрителя уверенно нисходят на новый виток драматургического озарения.

Пину для тех, кто рвет на себе одежды по поводу коичины российского театра. Напрасно! Древнейшее искусство! Прошло сквозь смертельные исторические катаклизмы, и теперь его ли банковскими депозитами, ли эмиссионными синдикатами, ваучерами, холдингами и брокерскими местами не придушишь! Будет дышать и развиваться вдохновенными усилиями нового режиссерского поколения. Актерон из дела не исключают, они все равно первые люди в театре. Но их рождается больше. А нас — кот наплак.

С. Арцыбашев, кстати, решил еще одну деликатную проблему. Наверное, в наших условиях и традициях по своей сложности проблема эта относится к высшему режиссерскому пи-

лотажу, хотя во всем просвещенном мире она давно решена — использование сленговых нецензурных выражений.

Скажу сразу в адрес некоторых слабоверных дам: нобелевский лауреат М. Шолохов в «Тихом Доне» прибегал к матерщине не от лексической бедности, как и винтавший ее в свой пронзительный слог незабвенный Бенедикт Ерофеев. В искусстве и литературе рождаются такие коллизии и доверительные контакты, когда мерские слова, становясь необходимостью, превращаются в эстетическую категорию. Сделать их предметом высокого и чистого искусства — задача, как сказал бы Ленин, архисложная. Удастся в редких случаях и только тем, чей вкус и одаренность взываются над полтоком среднестатистических достижений.

Конечно, слегка горячусь. «Сказку о мертвой царевне» Н. Коляды и С. Арцыбашева не все восприняли сдинодушно. Некоторые зрители испытали дискомфорт, им было не себе, как и самому руководителю курса А. Гончарову. Но на то он и патриарх нашей режиссуры, что с любовью оценил неполибишущую ему работу. Тотчас пригласил С. Арцыбашева завершить ее на сцене академического Театра имени Вл. Маяковского, где с успехом набирает силы его талантливые ученица — фалитик от режиссуры Татьяна Ахрамкова.

И это далеко не все, что светит. Есть еще А. Сигалова, Ю. Погорбиченко, Г. Седаков... Сознательно не ставлю точки. Иные лучезарные таланты, вроде В. Цейтлина в Казанском тизе, еще только преобразуются в звезды, а то и в созвездия. Одни готовятся к восхождению, другие уже вознеслись. О них, надеюсь, скоро напишут подробно в таком же объеме, как о Р. Виктюке. Хотя это уже не звезда и даже не Большая Медведица, это наш Млечный Путь.